

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТИРОВАННОСТИ К РИСКАМ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА

Е. В. Шлыкова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

Для цитирования: Шлыкова Е. В. Субъективная оценка безопасности как показатель адаптированности к рискам социальных изменений: методологическое и эмпирическое обоснование исследовательского подхода // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 105–120. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7659

Аннотация. Трансформационные процессы современного российского общества обуславливают возрастание количества рисков и изменяют характер социальной адаптации, целью которой становится приемлемый статус безопасности. Исходным в статье является положение о необходимости включения социологического понятия безопасности в интерпретацию показателей адаптированности населения к новым условиям. На основе содержательного анализа научной литературы автор выделяет два основных подхода к изучению проблематики безопасности в предметной области социальной адаптации к средовым трансформационным рискам и обосновывает методологическую продуктивность «человекоцентричного» подхода к измерению безопасности.

В статье эмпирической проверке подвергается гипотеза о взаимосвязи разрабатываемого автором показателя «субъективная оценка безопасности» с показателем «социальное самочувствие» и целесообразности включения в последний оценочного компонента безопасности. Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)».

Анализ эмпирических данных строится на авторской адаптации методики латентного измерения эмоционально-оценочного отношения (Е. И. Головаха, Н. В. Панина и А. П. Горбачик) к статусу собственной безопасности и трёхкомпонентной модели измерения социального самочувствия (П. М. Козырева). Анализируются степень распространённости потребности в безопасности в российском обществе, уровень удовлетворения этой потребности, теснота взаимосвязи субъективной оценки безопасности с удовлетворённостью жизнью и стабильностью существования, статусно-престижной идентичностью, состоянием и динамикой здоровья.

Общий вывод из проведённого анализа эмпирических данных состоит в том, что субъективно оцениваемый статус безопасности с научной и практической точек зрения продуктивно рассматривать как один из структурных элементов социального самочувствия, который в условиях трансформирующегося общества может представлять ресурс успешной адаптации к социальным изменениям.

Ключевые слова: субъективная оценка безопасности; риск; статус безопасности; адаптированность; социальное самочувствие

Введение

Турбулентность, сопровождающая процесс социально-экономической трансформации современного российского общества, актуализирует значимость изучения специфики адаптации различных групп населения к рискам социальных изменений. Ведущие отечественные специалисты в области социологии адаптации выявили ряд качественных особенностей адаптационных процессов в меняющихся условиях, а именно: охват изменениями абсолютно всех сфер и социальных групп общества; диверсификация адаптационных стратегий, способов, ресурсов; непрерывный характер адаптации, которая становится «механизмом преодоления негативных социальных явлений» [Козырева, Смирнов, 2016: 138] и рисков.

Социологи, изучающие риск, реальные и потенциальные негативные последствия происходящих изменений в первую очередь связывают с воздействием на индивидов и социальные группы возросшего числа повседневных рисков, целью адаптации к которым становится приемлемый статус безопасности [Мозговая, Шлыкова, 2015]. В обозначенном контексте важной научной и практической задачей представляется обоснование целесообразности включения социологического понятия безопасности в интерпретацию социального самочувствия — основного показателя адаптированности населения к новым условиям.

Обобщение собственного исследовательского опыта и рефлексии результатов немногочисленных целевых исследований, представленных в профильной литературе за последние несколько лет, позволяют очертить два основных подхода к изучению проблематики безопасности в предметной области социальной адаптации к средовым трансформационным рискам. Оба подхода в целом направлены на поиск и обоснование факторов, нарушающих приемлемый уровень безопасности, построение объяснительных моделей для формирования защитных адаптационных механизмов, нацеленных на сохранение и рост общественного благополучия. Однако у рассматриваемых подходов фиксируются и существенные различия.

Первый подход — «*государствоцентричный*»¹ — предполагает приоритет национально-государственного интереса в сфере обеспечения общественной и личной безопасности. Адепты этого подхода исходят из того, что общество, несмотря на внутреннюю неоднородность, обладает схожими потребностями и общими интересами в сфере безопасности, поэтому первичная роль в выявлении и защите от угроз на всех уровнях и по всем видам безопасности отводится государству [Коньшев, 2014]. В рамках этого подхода в основном исследуются факторы, нарушающие те или иные аспекты национальной безопасности, и предполагается, что реализация мер по её защите «автоматически» приводит к росту защищённости граждан. Это открывает возможность для планирования

¹ Используем термин В. Н. Коньшева [Коньшев, 2014].

государственного обеспечения макробезопасности и способствует адаптации в первую очередь на институциональном уровне. Ограничения этого подхода связаны с тем, что: 1) в поле зрения исследователей попадают исключительно «контролируемые государством риски» [Добролюбова и др., 2020], за рамками остаются повседневные риски, приемлемость которых для граждан, по данным наших исследований, выступает важнейшим фактором формирования статуса безопасности [Мозговая, Шлыкова, 2015]; 2) оценка «опасности» рисков и угроз осуществляется в макропоказателях, которые «растворяют проблему безопасности в общих характеристиках социально-экономического развития» [Биктимирова, 2002: 138] и опираются в основном на данные государственной и ведомственной статистики, зачастую, как известно, противоречащие друг другу; 3) основными критериями оценки результативности мер по обеспечению безопасности выступают «удовлетворённость граждан качеством предоставления государственных услуг и уровень доверия государственным органам... Ни один из этих показателей не отражает успешность государства в обеспечении защиты общественно значимых ценностей» [Добролюбова и др., 2020: 71]; 4) для оценки безопасности используются, как правило, показатели, включённые международными организациями в интерпретацию общественного благополучия (например, рекомендованная Организацией экономического сотрудничества и развития «личная безопасность» [OECD Guidelines., 2013]). Использование этого показателя даёт возможность оценить защищённость населения отдельной страны от так называемых «виктимных рисков» и включить эти данные в межстрановое сравнение общественного благополучия и качества жизни населения. Однако апробация этого показателя для обоснования взаимосвязи оценки безопасности с социальным самочувствием населения «внутри» страны продемонстрировала недостаточную продуктивность: «жизнь в опасном или бедном районе (личная безопасность) связана с понижением уровня удовлетворённости жизнью. Однако трудно в исследованиях отделить влияние безопасности от других аспектов места проживания» [Воронин и др., 2016: 31]; 5) «под прессом» мер, направленных на защиту национально-государственного интереса в сфере безопасности, личность рассматривается как объект (реже как субъект) национальной безопасности [Попов, Максимова, 2015]. Это, с нашей точки зрения, приводит к тому, что без внимания остаются интересы, потребности и возможности человека как субъекта собственной и общественной безопасности.

В той или иной степени снять обозначенные ограничения позволяет второй подход к изучению социальных проблем безопасности в контексте адаптации к трансформационным изменениям, к приверженцам которого мы относим и себя. Назовём его по аналогии «человекоцентричным». В основе подхода лежит представление о том, что на состояние безопасности, а следовательно и на его субъективную оценку, влияет значительное число факторов, которые имеют специфику для каждого социального субъекта, и общественная безопасность в значительной мере зависит от статусов безопасности отдельных людей,

социальных групп и сообществ. Безопасность в рамках анализируемого подхода рассматривается как социальный конструкт, отражающий субъективное представление об «опасности» реально существующих угроз и рисков, иными словами – субъективную оценку как вероятности риска, так и уровня безопасности, то есть собственной уязвимости. Такой подход открывает возможность включения в исследовательское поле широкого спектра повседневных рисков, ибо «предполагается, что разные люди фокусируются на различных аспектах риска, например, вероятности его осуществления или на его последствиях» [Омельченко и др., 2020: 16].

Показатель «субъективная оценка безопасности», обоснованию научной и практической значимости которого посвящена статья, позволяет дифференцировать разные группы современного российского общества по факторам, социальным параметрам приемлемости существующих рисков и угроз, а также включать эту оценку в исследования субъективных адаптационных профилей и в итоге выявлять в обществе наиболее и наименее уязвимые группы как в отношении «рисковой нагрузки», так и успешности / неуспешности адаптации к рискам и угрозам.

Обобщение результатов эмпирических социологических исследований показывает, что изучается в основном либо состояние безопасности населения России в отношении тех или иных рисков и угроз [Добролюбова и др., 2020; Юдина и др., 2017], либо социальное самочувствие различных социальных групп россиян в процессе адаптации к трансформационным изменениям [Козырева, Смирнов, 2019; Козырева, Смирнов, 2017], либо региональные особенности представлений населения о безопасности [Максимова и др., 2020].

В рамках данной статьи нам представляется важным предложить научному сообществу анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи разрабатываемого автором показателя «субъективная оценка безопасности» с успешно применяемым социологами показателем «социальное самочувствие» для обоснования целесообразности включения в него оценочного компонента безопасности. Анализ и интерпретация эмпирических данных в статье строятся на объяснительном потенциале «человекоцентричного» подхода к пониманию содержания категории безопасности.

Интерпретация основных понятий, методические приёмы и эмпирическая база анализа

Социальное самочувствие мы интерпретируем как уровень комфортности в среде, характеризующий «внутреннее состояние адаптанта» [Козырева, Смирнов, 2016: 141], определяемое степенью удовлетворённости его социальных потребностей [Головаха и др., 1998], и опирающийся на субъективную оценку.

Для измерения и анализа социального самочувствия в статье используется апробированный многолетними исследованиями и, по сути, ставший уже классическим в отечественной социологии адаптации комплексный показатель, включающий три взаимосвязанных компонента: 1) *удовлетворённость и стабильность существования* – удовлетворённость жизнью в целом, оценка будущего положения, уверенность в завтрашнем дне; 2) *статусно-престижная идентичность* – самооценка экономического положения; социального и властного статусов; 3) самооценка *состояния здоровья* [Козырева, 2004: 25].

Безопасность представляет собой фундаментальную социальную потребность в защищённости жизненно важных интересов личности, отдельных социальных групп и общества в целом от угроз и рисков различной природы. Именно в такой интерпретации нам представляется методологически грамотным проводить анализ взаимосвязи субъективной оценки безопасности с социальным самочувствием.

Для эмпирического анализа субъективной оценки безопасности мы адаптировали методику наших украинских коллег Е. И. Головахи, Н. В. Паниной и А. П. Горбачика, в основе которой лежит базирующееся на непрямой оценке латентное измерение эмоционально-оценочного отношения респондентов к тем или иным социальным благам [Головаха и др., 1998], в нашем случае – к статусу собственной безопасности. Методика предполагает возможность двухуровневого измерения¹, на этой логике основаны два этапа анализа эмпирических данных в статье.

На первом этапе оценивается степень распространённости потребности в безопасности в российском обществе (требуется – не требуется), а также уровень удовлетворения данной потребности (доля респондентов, которые испытывают потребность в этом благе, но потребность не удовлетворена). Для анализа на этом уровне используется шкала достаточности ощущения безопасности: 1 – хватает, 2 – скорее хватает, 3 – скорее не хватает, 4 – не хватает, 5 – респонденту это не нужно. Предполагается, что позиции 1 и 2 указывают на тот или иной уровень достаточности безопасности как социального блага, 3 и 4 – недостаточности, но все четыре позиции характеризуют респондентов, испытывающих потребность в безопасности. Позиция 5 определяет респондентов с нейтральным эмоционально-оценочным отношением к безопасности как социальному благу.

Второй этап анализа определяется возможностью дифференциации респондентов по собственно эмоционально-оценочному отношению к безопасности, лежащему в основе субъективной оценки. Для этого шкала достаточности преобразована следующим образом: сложение позиций «хватает» и «скорее хватает» характеризует *высокую субъективную оценку безопасности*, сложение «скорее не хватает» и «не хватает» – *низкую*. Респонденты с нейтральным отношением к безопасности, то есть не высказывающие потребности в ней на уровне само-

¹ Адаптирована методика, подробно представленная в: [Головаха и др., 1998: 50].

оценки, из дальнейшего анализа исключаются. Результатом представленной процедуры выступают две «противоположные» целевые группы, в отношении которых в статье будет строиться анализ взаимосвязи субъективной оценки безопасности и социального самочувствия.

Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН¹. Выборка каждой волны репрезентирует население России². Для анализа в статье отобраны респонденты в возрасте от 18 лет и старше, репрезентирующие взрослое население России.

Результаты анализа

Безопасность как фундаментальная социальная потребность российского общества

Суммарная доля не ответивших, затруднившихся и отказавшихся отвечать на вопрос «В какой степени в данный момент Вашей жизни Вам не хватает ощущения безопасности?» не превышает ошибку выборки, поэтому статистически не значима и может быть исключена из дальнейшего анализа без потери репрезентативности выборки.

Среди давших значимые ответы респондентов доля утверждающих, что им хватает ощущения безопасности, составляет 6,7%, скорее хватает – 37,4%, скорее не хватает – 32,5%, не хватает – 21,2%. Доля респондентов с нейтральным отношением к безопасности («мне это не нужно») незначительна и составляет 2,2%, то есть абсолютное большинство россиян (97,8%) испытывают потребность в безопасности. Для 45% испытывающих потребность в безопасности она оказывается в той или иной степени удовлетворённой (в сумме «скорее хватает» и «хватает»), для 55% – нет («скорее не хватает» и «не хватает»).

На основе последнего обозначенного результата для продолжения анализа сформируем две целевые группы, различающиеся субъективной оценкой безопасности. В группу с *«высокой субъективной оценкой»* входят респонденты, испытывающие потребность в безопасности, которая удовлетворена (n = 5988), с *«низкой субъективной оценкой»* – испытывающие потребность в безопасности, которая не удовлетворена (n = 7299).

¹ Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

² Подробнее об особенностях выборки: <https://www.hse.ru/org/hse/rlms/sample>.

«Социально-демографический профиль» субъективной оценки безопасности россиян

Очертим «социально-демографический профиль» совокупностей респондентов с высокой и низкой субъективными оценками безопасности. По этому параметру мужчины разделились поровну, а среди женщин существенно выше доля низких оценок безопасности — 58% против 42% высоких. Сравнение особенностей субъективной оценки безопасности по возрастным группам указывает на устойчивую тенденцию снижения высоких оценок и, соответственно, рост низких от младших возрастных групп к старшим (на 12 процентных пунктов от группы 18–25 лет к группе 70 лет и старше). Схожая тенденция наблюдается и по группам с различным уровнем законченного образования — чем выше уровень образования, тем выше доля низких оценок безопасности. Важным дифференцирующим фактором оказывается брачный статус: наибольшие доли низких оценок безопасности зафиксированы в группах разведённых (61,5%) и вдовцов (59,8%); высоких — в группе никогда не состоявших в браке (51,9%). Характер субъективной оценки безопасности коррелирует с типами населённых пунктов, в которых проживают респонденты: доли высоких оценок значимо выше в ПГТ и сельских поселениях по сравнению с городскими населёнными пунктами (порядка 53–56% против 41% в городах и областных центрах).

По основному занятию (работают / не работают по разным причинам) и специфике профессиональной группы существенных различий в характере субъективной оценки безопасности не выявлено.

В целом *высокой субъективной оценкой безопасности* в большей степени характеризуются россияне молодого и раннего среднего возраста, с не очень высоким уровнем образования, проживающие в сельских поселениях, никогда не состоявшие в браке; *низкой* — женщины, респонденты более старшего возраста и высокого уровня образования, проживающие в городах, разведённые или вдовье.

Далее осуществим сравнительный анализ целевых групп по оценкам социального самочувствия.

Субъективная оценка безопасности и социальное самочувствие

Как отмечалось выше, одним из компонентов социального самочувствия выступает *удовлетворённость и стабильность существования*, измеряемые через удовлетворённость жизнью, оценку будущего положения и уверенность в завтрашнем дне.

Удовлетворённость жизнью в целом представляет собой когнитивную оценку общего уровня успешности жизни с учётом различных конкретных жизненных обстоятельств и основывается, как правило, на сопоставлении желаемого и действительного, задуманного и реализованного и отражает характер социального самочувствия в определённый момент времени. Для сравнительного анализа целевых групп по уровню удовлетворённости жизнью пятибалльная оценочная шкала удовлетворённости преобразована в трёхбалльную: высокий (удовлетворены) / средний (и да, и нет) / низкий (не удовлетворены) уровень удовлетворённости жизнью в целом. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Субъективная оценка безопасности и уровень удовлетворённости жизнью в целом, %

Субъективная оценка безопасности	Уровень удовлетворённости жизнью		
	Высокий	Средний	Низкий
Высокая	61,5	23,0	15,5
Низкая	42,5	27,3	30,2

Наблюдаемые значимые различия высокого и низкого уровня удовлетворённости жизнью респондентов из целевых групп позволяют утверждать, что высокая субъективная оценка безопасности россиян взаимосвязана с высоким уровнем удовлетворённости жизнью, низкая – с низким.

Мы опираемся на представление о том, что любой показатель, сконструированный на базе самооценок, помимо ситуативных должен включать оценки прожективные, экстраполирующие в будущее нынешнее положение. В условиях трансформирующегося турбулентного общества особую важность приобретает включение в показатель социального самочувствия оценок будущего положения и уверенности в завтрашнем дне, ибо они отражают самооценку определённого запаса прочности на тот или иной предстоящий период.

Для сравнительного анализа целевых групп по оценкам будущего положения пятибалльная шкала преобразована в трёхбалльную: через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше / без изменений / хуже. Результаты демонстрируются в таблице 2.

Таблица 2

Субъективная оценка безопасности и самооценка будущего положения, %

Субъективная оценка безопасности	Будут жить		
	Лучше	Без изменений	Хуже
Высокая	32,0	57,0	11,0
Низкая	20,1	59,9	20,0

Более половины опрошенных россиян убеждены в том, что их положение в ближайший период времени не изменится. Однако существенная разница долей утверждающих, что положение может измениться как в лучшую, так и худшую сторону, указывает на наличие взаимосвязи высокой субъективной оценки безопасности с ожиданиями улучшения жизни в ближайшем будущем, низкой – с ожиданиями ухудшения жизни.

Уверенность в завтрашнем дне измеряется через уровень беспокойства о возможности обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев. Пятибалльная оценочная шкала беспокойства преобразована в трёхбалльную: высокий уровень уверенности в завтрашнем дне (не беспокоит) / средний (и да, и нет) / низкий (беспокоит). Результаты сравнительного анализа целевых групп по уровню беспокойства о завтрашнем дне представлены в таблице 3.

Таблица 3

Субъективная оценка безопасности и уровень уверенности в завтрашнем дне, %

Субъективная оценка безопасности	Уровень уверенности в завтрашнем дне		
	Высокий	Средний	Низкий
Высокая	22,8	12,3	64,9
Низкая	15,3	13,5	71,2

На фоне общего беспокойства о том, что не смогут обеспечить себя самым необходимым, респонденты из группы с высокой субъективной оценкой безопасности тем не менее характеризуются более высоким уровнем уверенности в завтрашнем дне по сравнению с другой целевой группой.

Ещё один компонент социального самочувствия – *статусно-престижная идентичность* – интерпретируется через самооценки экономического положения, властного и социального статусов. Измерение осуществляется по трем континуумам: богатства – бедности, власти – бесправности и уважения – неуважения по девятибалльной шкале, на которой 1 балл – это низшая ступень соответствующего признака (нищие; бесправные; люди, которых совсем не уважают), 9 баллов – высшая ступень (богатые; обладающие большой властью; те, кого очень уважают). Результаты сравнительного анализа целевых групп, представленные на рисунках 1–3, отражают профили высокой и низкой субъективной оценки безопасности по признакам статусно-престижной идентичности.

Баллы по шкале «богатства-бедности»	Субъективная оценка безопасности	
	Высокая	Низкая
Высшая ступень: 9	0,2	0
8	0,8	0,4
7	5,9	2,8
6	11,2	7,8
5	26,0	20,4
4	24,5	25,1
3	21	26,2
2	7,9	13,0
Низшая ступень: 1	2,5	4,3

Рис. 1. Субъективная оценка безопасности и профиль экономического положения, %

Сравнение профилей экономического положения целевых групп указывает на смещение в сторону низких ступеней в группе с низкой субъективной оценкой безопасности, то есть низкая субъективная оценка безопасности взаимосвязана с низкой самооценкой экономического положения.

Баллы по шкале «власти-бесправности»	Субъективная оценка безопасности	
	Высокая	Низкая
Высшая ступень: 9	1,8	0,1
8	1,9	0,9
7	6,5	3,8
6	13,0	7,9
5	26,2	19,9
4	19,4	20,8
3	19,2	22,8
2	7,9	16
Низшая ступень: 1	4,1	7,8

Рис. 2. Субъективная оценка безопасности и властный профиль, %

Результаты сравнения властных профилей целевых групп указывают на взаимосвязь высокой субъективной оценки безопасности с высокими оценками по шкале «власти – неправости», низкой – с низкими оценками.

Баллы по шкале «престижа» (социальный статус)	Субъективная оценка безопасности	
	Высокая	Низкая
Высшая ступень: 9	8,5	5,7
8	18,1	16,8
7	25,3	24,4
6	19,2	18,5
5	17,9	20,7
4	7,0	7,9
3	3,2	4,3
2	0,7	1,3
Низшая ступень: 1	0,1	0,4

Рис. 3. Субъективная оценка безопасности и профиль «престижа», %

Существенных различий в оценках респондентов из целевых групп по шкале «уважения – неуважения» не наблюдается.

Как естественный адаптационный ресурс *здоровье* является важнейшим компонентом социального самочувствия. В «классическом варианте», как отмечалось выше, в показатель социального самочувствия включается самооценка состояния здоровья. Наш собственный исследовательский опыт показывает, что зачастую наиболее информативным оказывается сопоставление самооценок состояния и динамики здоровья. Результаты сравнительного анализа целевых групп по указанным признакам демонстрируются на рисунке 4.

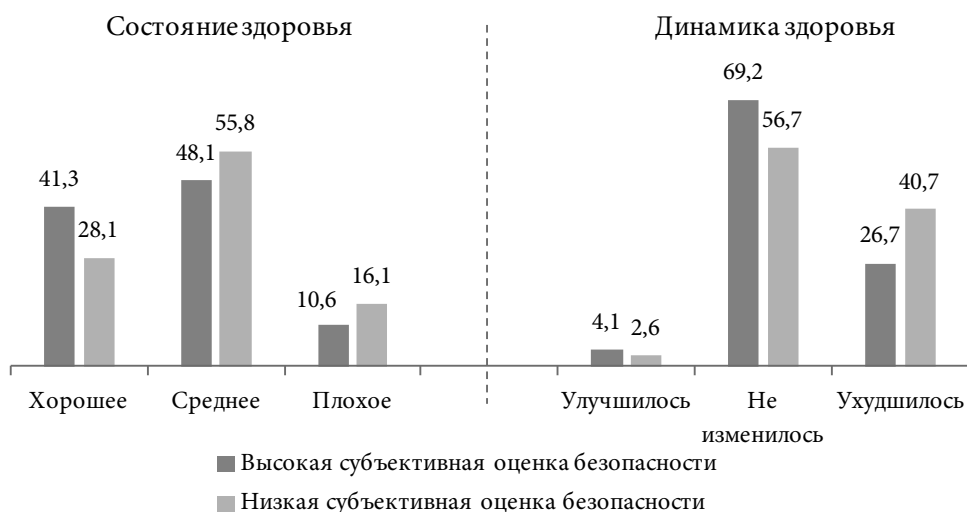

Рис. 4. Субъективная оценка безопасности и самооценки состояния и динамики здоровья, %

Результаты анализа показывают, что респонденты из группы с высокой субъективной оценкой безопасности в основном характеризуются хорошим и средним состоянием здоровья, которое у большинства из них не изменилось в течение трёх лет, предшествующих опросу. Респонденты из другой целевой группы значительно менее оптимистичны в оценках состояния своего здоровья и отличаются негативной его динамикой. Наблюдаемая тенденция указывает на наличие взаимосвязи высокой субъективной оценки безопасности с хорошим и устойчивым состоянием здоровья, низкой – скорее со средним состоянием здоровья, имеющим негативную динамику.

В целом обнаруженные в ходе сравнительного анализа статистически значимые различия в оценках целевых групп по всем компонентам социального самочувствия позволяют утверждать, что зафиксирована тесная взаимос-

вязь субъективной оценки безопасности с уровнем социального самочувствия, а именно — высокая субъективная оценка безопасности коррелирует с высоким уровнем социального самочувствия, а низкая — наоборот. Это подтверждает исходное положение анализа: субъективную оценку безопасности в условиях постоянных рискогенных изменений и трансформаций целесообразно включить в структуру социального самочувствия как основного показателя адаптированности населения к социальным изменениям.

Заключение

Предложенный в статье подход позволил зафиксировать уровень удовлетворения потребности в безопасности в современном российском обществе и обосновать его связь с характером социального самочувствия взрослого населения России.

Удалось установить, что абсолютное большинство россиян испытывают потребность в безопасности, однако удовлетворённой она оказывается менее, чем у половины респондентов. Зафиксированные по социально-демографическим параметрам особенности субъективной оценки безопасности открывают возможность дальнейшего изучения уязвимых групп и категорий населения России и поиска факторов, способствующих формированию более высокого статуса безопасности.

Выявленная тенденция соответствия высоких / низких субъективных оценок безопасности аналогичным оценкам социального самочувствия свидетельствует о тесноте их взаимосвязи. Авторская интерпретация этого факта состоит в том, что субъективно оцениваемый статус безопасности с научной и практической точки зрения продуктивно рассматривать как один из структурных элементов социального самочувствия, который в условиях трансформирующегося общества может представлять ресурс успешной адаптации к социальным изменениям.

Научный потенциал представленного подхода нам видится в актуализации проблем безопасности в исследованиях адаптационных процессов. Включение субъективной оценки безопасности в структуру социального самочувствия открывает новое «поле деятельности» для специалистов в области социологии риска и социологии адаптаций. Полагаем, что целью развития исследований в этом направлении может стать построение российского национального индекса социального самочувствия, включающего показатели статуса безопасности, а значит — чувствительного к измерению адаптированности в социально-экономической среде трансформирующегося общества.

Возможности «человекоцентричного» методологического подхода позволяют «точечно» фиксировать статус безопасности на любом необходимом уровне — индивидуальном, групповом, региональном, общенациональном. Полученная

на этой основе социологическая информация может использоваться в процессе принятия управленческих решений, учитывающих реальные потребности населения как основного субъекта собственной и общественной безопасности.

Список литературы

Биктимирова З. З. Безопасность в концепции развития человека // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 135–142.

Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. «Кому на Руси жить хорошо?» // *Социологический журнал*. 2016. Том 22. № 1. С. 26–53.

Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // *Социология*: 4М. 1998. № 10. С. 45–71.

Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков // *Социологические исследования*. 2020. № 7. С. 70–81. DOI: 10.31857/S013216250009316-0.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика социального самочувствия инвалидов: тревоги и надежды // *Социологические исследования*. 2019. № 8. С. 62–74. DOI: 10.31857/S013216250006161-0

Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // *Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]* / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 133–171.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // *Социологические исследования*. 2017. № 1. С. 64–73.

Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 32 с.

Коньшев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. Т. 10. № 40 (277). С. 43–56.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Суртаева О. В. Факторы формирования субъективного ощущения безопасности населения (на примере Алтайского края) // *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3. № 1. С. 49–57. doi: 10.14258/ssi(2020)1-03

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Факторы формирования статуса безопасности в условиях острых и повседневных рисков // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 4. С. 52–73.

Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Восприятие социальной безопасности населением регионов азиатского приграничья России (на примере Алтайского края) // *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3. № 1. С. 13–36. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-01

Попов Е. А., Максимова С. Г. Социальная безопасность как объект исследования в социологии: вопросы трактовки категории и построения концепции // *Политика и общество*. 2015. № 1 (121). С. 14–23. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.1.13953

Юдина Т. Н., Фролова Е. В., Танатова Д. К., Долгорукова И. В., Родимушкина О. В. Безопасность личности и виктимные опасения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 1 (89). С. 114–127.

OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. Paris: OECD Publishing, 2013 [online]. DOI: 10.1787/9789264191655-en (дата обращения: 10.09.2020).

Дата поступления в редакцию: 08.09.2020. Принята к печати: 06.10.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шлыкова Елена Викторовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: shly-ev@yandex.ru
AuthorID РИНЦ: 76563

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7659

Subjective Safety Assessment as an Indicator of Adaptation to the Risks of Social Change: Methodological and Empirical Justification of the Research Approach

Elena V. Shlykova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.
24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Shlykova E. V. (2020). Subjective Safety Assessment as an Indicator of Adaptation to the Risks of Social Change: Methodological and Empirical Justification of the Research Approach. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 8. № 4. P. 105–120. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7659

Abstract. The transformation processes in modern Russia cause an increase in the number of risks and change the essence of social adaptation, the goal of which is an acceptable safety status. The starting point in the article is the need to include the sociological concept of safety in the interpretation of indicators of population adaptation to new conditions. Based on a substantial analysis of the scientific literature, the author identifies two main approaches to the study of security issues in the subject area of social adaptation to transformational risks and justifies the methodological productivity of the “human-centered” approach to measuring safety in an empirical study.

The article empirically verifies the hypothesis about the correlation between the indicator “subjective safety assessment” and the indicator “social well-being”, and the feasibility of including the safety assessment component in the latter. The empirical basis of the analysis is data from the 27th wave of RLMS-HSE.

The empirical analysis is based on the author’s adaptation of the method of latent measurement of emotional and evaluative estimation (E. I. Golovakha, N. V. Panina, and A. P. Gorbachik) to the status of one’s own safety and the three-component model of measuring social well-being (P. M. Kozyreva). The article analyzes the degree of prevalence of the need for security in Russian society, the level of satisfaction of this need, the correlation between subjective assessment of safety and life satisfaction, stability of existence, status and prestige identity, state and dynamics of health.

The general conclusion from the analysis of empirical data is that subjectively assessed safety status from a scientific and practical point of view is productive to consider as one of the structural elements of social well-being, which in a transforming society can be a resource for successful adaptation to social changes.

Keywords: subjective safety assessment; risk; safety status; adaptability; social well-being

REFERENCES

- Biktimirova Z. Z. (2002). Bezopasnost' v koncepcii razvitiya cheloveka. [Security in the concept of human development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 6. P. 135–142. (In Russ.).
- Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. (2020). Kak i pochemu grazhdane ocenivayut svoju zashchishhennost' ot kontroliruemykh gosudarstvom riskov. [How citizens evaluate safety from state-controlled risks and why]. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 7. P. 70–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009316-0
- Golovakha E. I., Panina N. V., Gorbachik A. P. (1998). Izmerenie social'nogo samochuvstviya: test IISS. [Measuring social well-being: the IISS test]. *Sociologiya: 4M*. № 10. P. 45–71. (In Russ.).
- Konyshev V. N. (2014). Bezopasnost' lichnosti – novyj povorot v ponimani politiki bezopasnosti. [Security of the person – a new twist in understanding the security policy]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. T. 10. № 40 (277). P. 43–56. (In Russ.).
- Kozyreva P. M. (2004). *Processy adaptatsii i e'voluciya social'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov*. [Adaptation processes and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX–XXI centuries]. M.: Centr obshhechelovecheskikh cennostej, 320 p. (In Russ.).
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2016). Osobennosti i tendencii adaptatsii rossiyan k izmenyayushimsya usloviyam v postsovetskij period. [The peculiarities and tendencies of adapting russians to the ever-changing conditions of the post-soviet period]. *Rossiya reformiruyushhayasya: Ezhegodnik [sbornik nauchnykh statej] / otv. red. M. K. Gorshkov; Institut sociologii RAN. Moskva: Novyj khronograf. Vyp. 14*. P. 133–171. (In Russ.).
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2017). Rossijskie pensionery v usloviyax krizisa. [Russian pensioners in conditions of crisis]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017. № 1. P. 64–73. (In Russ.).
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019). Dinamika social'nogo samochuvstviya invalidov: trevogi i nadezhdy. [Social well-being dynamics among the disabled: concerns and hopes]. // *Sociologicheskie issledovaniya*. № 8. P. 62–74. DOI: 10.31857/S013216250006161-0 (In Russ.).
- Maksimova S. G., Noyanzina O. E., Surtaeva O. V. (2020). Faktory formirovaniya sub'ektivnogo oshhushheniya bezopasnosti naseleniya (na primere Altajskogo kraja). [Factors of the subjective feeling of security among population (on the example of the Altai region)]. *Society and Security Insights*. T. 3. № 1. P. 49–57. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-03. (In Russ.).
- Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. (2015). Faktory formirovaniya statusa bezopasnosti v usloviyakh ostrykh i povsednevnykh riskov. [Factors of safety status formation under acute and daily risks]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. № 4. P. 52–73. (In Russ.).
- Omel'chenko D. A., Maksimova S. G., Noyanzina O. E. (2020). Vospriyatie social'noj bezopasnosti naseleniem regionov aziatskogo prigranich'ya Rossii (na primere Altajskogo kraja). [Perception of social security in regions of the russian-asian borderland (on the example of the Altai region)]. *Society and Security Insights*. T. 3. № 1. P. 13–36. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-01. (In Russ.).
- Popov E. A., Maksimova S. G. (2015). Social'naya bezopasnost' kak ob'ekt issledovaniya v sociologii: voprosy traktovki kategorii i postroeniya koncepcii. [Social security as an object of research in sociology: issues of category interpretation and concept construction]. *Politika i obshchestvo*. № 1 (121). P. 14–23. DOI: 10.7256/1812–8696.2015.1.13953 (In Russ.).

Voronin G. L., Zakharov V. Ya., Kozyreva P. M. (2016). “Komu na Rusi zhit’ khorosho?” [“Who lives well in Russia?”]. *Sociologicheskij zhurnal*. Tom 22. № 1. P. 26–53. (In Russ.).

Yudina T. N., Frolova E. V., Tanatova D. K., Dolgorukova I. V., Rodimushkina O. V. (2017). Bezopasnost’ lichnosti i viktimnye opaseniya. [Human security and fear of victimization]. *Zhurnal sociologii i social’noj antropologii*. Tom XX. № 1 (89). P. 114–127. (In Russ.).

OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. Paris: OECD Publishing, 2013 [online]. DOI: 10.1787/9789264191655-en (date of access: 10.09.2020).

The article was submitted on September 08, 2020. Accepted on October 06, 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shlykova Elena Viktorovna – Candidate of Sociology, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: shly-ev@yandex.ru

OrcidID: 0000-0002-2875-271X

ResearcherID: I-5428-2016

Scopus Author ID: 56153620300